

АГЛАЯ

12+

Дмитрий Чернавских

Дмитрий Анатольевич Чернавских

Аглая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51836442

SelfPub; 2020

Аннотация

Весь мир – театр, но актеры не выйдут на бис. Порой акт длится несколько лет, и антракты не предусмотрены суровой администрацией. В этом театре человек одновременно играет единственную роль и наблюдает первый и последний спектакль из зрительского зала. И как известно: если двое говорят, а третий слушает, то это уже театр. Будем же этим таинственным "третьим" и устроим маленький спектакль в рамках непретензионного рассказа о милой девушке с редким именем.

Если двое разговаривают, а третий слушает их разговор, — это уже театр.

Густав Холоубек

Аглая поправила синий фартук и всмотрелась в отражение стеклянной дверцы серванта. Аккуратненькое лицо смотрело на нее, немного улыбаясь. Аглае нравилось вглядываться в свое отражение. Особенно же ее умиляли круглые губы и розовые щеки, которые, если честно, были слишком яркие. Роскошные часы с позолоченным маятником пробили восемь вечера. «Сейчас придут» — подумала Аглая, улыбнувшись. И, действительно, по широким коридорам пронесся голос, сообщавший о начале антракта, нарастал гул, и люди стали спускаться по огромной лестнице к буфету. Все преобразилось и наполнилось живым звуком.

Женщины шуршали платьями и чуть приподнимали полы, боясь споткнуться на гладких ступенях; дети мелькали в отражениях зеркал, шумно сбегая по лестнице; а мужчины неспеша следовали за дамами, разминая затекшие от часового сидения ноги.

Аглая приняла радушное выражение и кокетливо сложила руки на отполированной стойке. Нарядно одетые люди заказывали горячие напитки и закуски, а Аглая мило улыбалась каждому и разговаривала с забавной девчачьей веселостью в голосе. Небольшой буфет — который администрация нарекла рестораном — наполнялся людьми и радостными голосами, в шуме которых терялись звоны миниатюрных чашек. Уют-

ные лампы загадочно освещали зеленоватым светом буфетную стойку и круглые столики. Ароматы всевозможных духов и одеколонов парили в разгоряченном воздухе, смешиваясь с запахом свежей выпечки и чая. Дети, убежавшие от родителей, играли вокруг мраморных колон, обхватывая их своими маленькими ручками.

Женщины бальзаковского возраста с жаром обсуждали премьеру, жеманно складывая руки, обхваченные золотыми браслетами. Особенно же их интересовало платье Екатерины Трубецкой и мужественное лицо Императора Николая, с которым «я бы потанцевала, если вы понимаете, о чем я». Женщины хихикали, пряча улыбки в кулачки. О декабристах же они знали лишь то, что им говорил скучный учитель истории много лет назад.

От горячего дыхания людей качалась гигантская люстра, сверкая хрусталем. Жарким золотом и ледяным серебром в ней отражались искры света и лица людей. Весь зал кружился в музыке голосов, платья мелькали меж колоннами, и праздник жизни мог бы продолжаться еще долго, но все тот же басистый голос объявил о завершении антракта.

На секунду все замерло, в апогее разнузданности и веселья: стакан с шипящим шампанским застыл в руке полного господина; кокетки, обсуждающие Трубецкого, в последний раз ослабились, обнажив белоснежные зубы; и ребенок с раскрасневшимися лицом застыл, потеряв на мгнове-

ние мать из виду. Но уже в следующую секунду всеобщая напряженность спала, уступая место мирному и культурному отдыху. Будто пришедшие в себя люди поспешно допивали чай. Все поднялись со своих мест и быстро скрылись за поворотом огромной лестницы, унося с собой шумный праздник.

И снова Аглая осталась одна. В эту бесконечно долгую секунду она была похожа на девушку с картины Мане «Бар в Фоли-Бержер». Тот же румянец, те же руки, опирающиеся на стойку, и тот же отрешенный взгляд, обращенный пустоте. Молодой буфетчице, Аглае тяжело было расставаться с публикой, так мило обходившейся с ней. Молодые люди шутили с ней, потягивая чай; дети называли ее «тетя» и забавно коверкали ее имя; а старушки премоило улыбались ей ссохшимися губами. Но ежедневно равнодушный голос из динамиков отнимал минутную любовь у Аглаи, оставляя ее одну. В воздухе еще парили еле уловимые запахи духов, и хрустальная люстра тяжело качалась над головой.

Аглаи еще не было тридцати, а увидев ее, вы бы не дали ей больше двадцати пяти. Она неизменно носила сережки в форме золотых цветов, а на тонких пальцах не было ни одного кольца, даже обручального. Ей ужасно не везло в личной жизни. Иногда ей казалось, что ею интересуются лишь одни подлецы. По крайней мере, достойных мужчин она не встречала. В ее мыслях уже формировался мнительный образ забытой старухи, ведущей затворническую жизнь, но Аглая со

своей мудростью и простотой отгоняла столь навязчивые фантазии. Часто она с завистью смотрела на молодую пару, спускающуюся по лестнице. Они держались за руки и будто дразнили одинокую буфетчицу своим счастливым видом. Аглая не уставала повторять себе: «Просто не мое. Повезет в другом. Да и не так уж вы счастливы, дураки.». И это действительно помогало, она научилась равнодушно и даже свысока смотреть на чужое счастье. Но это днем. А по ночам на красивых глазах Аглаи появлялись обжигающие слезы, и она обнимала холодную подушку, представляя любимого мужчину, который мог бы утешить маленькую и беззащитную Глашеньку. Никто во всем мире даже не подозревал о тяжёлой драме, прокручивающейся в голове Аглаи. Но ночи всегда проходили, и Аглая Степановна замазывала синяки под глазами и шла на работу, приняв серьезное и равнодушное выражение.

Работала Серафионова Аглая Степановна в ресторанчике «Rêverie» уже два года. Нельзя сказать, что ей нравился процесс закупки, продажи, уборки. Даже совсем не нравился. Но мечтательная Аглая не могла покинуть это место. Таинственная атмосфера театра, роскошный интерьер и внимание людей держали ее. Возвращаясь в свою однушку, Аглая не могла всерьез воспринимать низкий потолок, потертую мебель и нависающую тишину – величие и простор театра слишком сильно полюбились ей.

Но история театра и Аглаи началась задолго до того, как

она стала буфетчицей.

Бабушка Аглаи была настоящей светской львицей в хорошем смысле этого выражения (если такое имеется). Звали ее Верой Павловной. Несмотря на свой возраст она одевалась с шиком, присущим немногим в наше время. Вера Павловна не стеснялась косых взглядов и даже напротив будто наслаждалась неодобрением окружающих. Бабушка Аглаи считалась юмористкой, и некоторые злорадно называли ее «проказницей», пользуясь двусмысленностью русского языка и намекая на темное родимое пятно на шее. Она любила вкусно поесть, поговорить о литературе, похвастаться новым платьем. Но главной же ее страстью был театр. Она была постоянной посетительницей вечерних премьер, персонал дружелюбно здоровался со старушкой и порой пропускал ее без билета, о чем с гордостью заявляла Вера Павловна на каждом семейном ужине. Всем было известно, что Вера Павловна вполне комфортно чувствует себя в гримерке актеров и имеет короткое, порой даже неприлично короткое знакомство со многими артистами.

Именно бабушка настояла на имени «Аглая». Аргументы были настолько убедительными, что мать ребенка просто не могла противиться напору бабушки. Вера Павловна ужасно любила Достоевского, особенно «Идиота», откуда и узнала это редкое имя. Возможно, бабушка тайно мечтала, чтобы у внучки был такой же живой и страстный характер, как у

Аглаи Достоевского. С ранних лет бодрая старушка окружила Глашу заботой и бесконечными историями о театре. Вера Павловна увлеченно рассказывала внучке о сплетнях и интригах, обитающих в закулистье. Благодаря бабушке маленькая Аглая могла увидеть многие представления с первых рядов, откуда открывался захватывающий вид на сцену. Видна была каждая деталь, каждая черточка на лице актера, каждый блик света. Рядом была не менее интересная оркестровая яма, и юная Аглая увлеченно следила за быстрыми движениями скрипача и удивлялась бордовым щекам мужчины, играющем на огромной тубе. Бабушка наклонялась к внучке и шептала ей имена и прозвища актеров, пуская забавные колкости в адрес каждого. Аглая с нетерпением ждала заветного вечера, когда она и бабушка шли в театр и садились на красные, мягкие кресла, предвкушая радость следующих часов, проведенных в этом таинственном и чудесном месте. Вообще же все детские воспоминания Аглаи, связанные с театром, окружены неким призрачным ореолом, словно покрыты легкой дымкой детских фантазий и волнующих тайн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.